

НОВЫЯ КНИГИ

МОЛОДОСТЬ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА.

(С. М. Лукьяновъ. О Вл. Соловьевѣ въ его молодые годы. Матеріалы къ біографіи. Книга первая Пгр. 1916, с. 439; книга вторая Пгр. 1918, с. 190; книга третья вып. I, Пгр. 1921, с. 365).

Книга Лукьянова въ свое время осталась почти незамѣченной. Въ продажу она, повидимому, не поступала. И врядь ли многіе прочли ея отдѣльныя главы въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за военные годы. Третій томъ, самый интересный, вышелъ только отдѣльнымъ изданіемъ, въ самую смутную пору, и при появленіи своемъ сразу оказался библиографической рѣдкостью даже внутри Россіи. Поэтому не поздно припомнить о работѣ Лукьянова и теперь. —

Лукьяновъ не беретъ на себя обязанностей біографа. Онъ ограничивается собираніемъ матеріаловъ. Въ его книгѣ нѣтъ ни критики, ни изслѣдованія, ни характеристики, ни связаннаго жизнеописанія. Это — черновыя тетради, въ которыхъ много лишняго, много занесеннаго впрокъ, на всякій случай, много выписокъ, справокъ, подробностей, мелочей, — и вовсе нѣтъ синтеза. Къ печатнымъ даннымъ, собраннымъ съ достаточной полнотой, авторъ присоединяетъ цѣлый рядъ архивныхъ справокъ и воспоминаній, записанныхъ разными лицами впервые для него. Въ итогѣ открывается не мало новаго. Авторъ ограничилъ себя «молодыми годами» Соловьева, — онъ рассчитывалъ довести свой сводъ до начала восьмидесятыхъ годовъ, но ему пришлось остановиться много раньше, на возвращеніи Соловьева изъ заграничной поѣздки въ 1876 году. Нужно помнить: «молодые годы» для Соловьева, это — время творчества, а не простого ученичества. Въ духовномъ становленіи Соловьева прежде всего бросается въ глаза его раняя и какъ бы торопливая зрѣлость. «На зарѣ туманной юности», на двадцатомъ второмъ году, онъ выступаетъ съ твердымъ и рѣзкимъ

философскимъ исповѣданіемъ, — и къ тридцати годамъ онъ успѣваетъ высказаться, — и въ систематической формѣ, — по всѣмъ почти основнымъ вопросамъ религіозной метафизики. Въ послѣдующіе годы онъ только повторяетъ и договариваетъ сказанное тогда. Это не значитъ, конечно, что творческій путь Соловьева былъ ровнымъ и мирнымъ. Напротивъ, хотя самъ Соловьевъ и старался замаскировать изломы своего пути и придать ему видъ естественнаго развитія, не можетъ быть и спора, что духовное становленіе Соловьева совершалось бурно, катастрофически, скачками, съ рѣзкими и мучительными переломами и перерывами. Сложность духовной природы Соловьева всегда была очевидной. Но часто казалось, что эту сложность онъ преодолевалъ въ высшемъ и гармоническомъ синтезѣ. И уже давно стало ясно, что послѣдній и предѣльный синтезъ Соловьеву не только не удался, но и не удавался никогда, что онъ жилъ въ постоянномъ напряженіи, надломѣ и бореніи. Въ этой бурной исторіи далеко не все намъ ясно и понятно. Но только внимательное и сочувственное знаніе ея можетъ открыть доступъ въ духовный міръ Соловьева, въ его философское дѣло, и позволить правдиво воспроизвести его собственный путь, то, что онъ самъ хотѣлъ сказать, а не только то, что мы можемъ у него для себя вычитать и отыскать. Еще Л. М. Лопатинъ справедливо отвѣчалъ, что «вокругъ личности Соловьева уже растетъ легенда», — она, м. б., очень благочестива, благонамѣрена, и даже поэтична, но въ ней нѣтъ реальной правды... Сложился какой то сводный, смѣшанный, уравнивательный об-

разъ Соловьева, въ которомъ сгладилась его трагическая судьба. Не нужно бояться его разрушить, если только мы ищемъ въ твореніяхъ Соловьева не одно назидательное чтеніе, но и самосвидѣтельство мыслителя объ его опытѣ и пути. Въ этомъ больше правды и любви, чѣмъ въ благочестивой стилизаціи.

Какъ помочь обманувшей, обманутой долѣ. Какъ задачу судьбы за другого рѣшить Кто мнѣ скажетъ... Но сердце томится отъ боли,
И чужого крушенья не можетъ забыть ...

Въ духовной исторіи Соловьева его «молодые годы» занимаютъ особое мѣсто. Въ это время сложилась его личность. Эта, внутренняя сторона, Лукьянова мало интересуется, — внутренний міръ Соловьева ему чуждъ, и онъ не идетъ дальше внѣшней біографической канвы. Будущему біографу Соловьева предстоитъ большая работа, — по отрывочнымъ фактамъ и намекамъ возстановить внутреннія связи и соотношенія, догадаться о духовныхъ событіяхъ. Въ книгѣ Лукьянова онъ найдетъ много вопросовъ и мало отвѣтовъ. Лукьяновъ начинаетъ справками о семьѣ и роднѣ Соловьева, объ его дошкольномъ дѣтствѣ и отрочествѣ. Солсвьевъ росъ въ суровой и строгой обстановкѣ бытового православія, спокойнаго и искреннаго, но врядъ ли очень глубокаго. И рано прорвалась «тревога смутныхъ сновъ», и въ дѣтствѣ совершилось первое «свиданіе», «Станнымъ ребенкомъ былъ я тогда: — странные сны я видалъ», — вспоминалъ объ этомъ онъ самъ. Сохранилось преданіе о какомъ-то странномъ посвященіи: Соловьеву было семь или восемь лѣтъ, когда дѣдъ его, священникъ, привелъ его въ алтарь и передъ престоломъ въ пламенной молитвѣ благословилъ его на служеніе Богу. Легкость и быстрота утраты вѣры не позволяетъ преувеличивать силу и глубину дѣтской религіозности Соловьева. Въ противоположность обычному взгляду (раздѣляемому и Лукьяновымъ) юношескій религіозный кризисъ Соловьева врядъ ли можно разсматривать, какъ «естественную» ступень роста. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ связанъ съ глубокимъ возмущеніемъ и сотрясеніемъ всего духовнаго существа, и разрѣшился вовсе не такъ скоро, не такъ просто и не такъ легко. И, м. б. на всю жизнь отъ этого кризиса у Соловьева осталась незаживленная рана. Разрѣшился онъ не возвратомъ къ «вѣрѣ

отцовъ», но переходомъ къ философскому идеализму. Сомнѣнія Соловьевъ преодолѣлъ не на пути высшей очевидности самодостовѣрной вѣры, но на пути діалектическихъ доказательствъ. И всю жизнь Соловьеву приходилось какъ бы убѣждать самого себя въ истинѣ вѣры. Отъ нигилизма и матерьялизма Соловьевъ освободился, по его собственному признанію, подъ зліяніемъ Спинозы: м. б. отчасти помогъ ему Кузень.

Затѣмъ начинается полоса Шопенгауера, и Гартманна. Христіанскіе мотивы приходятъ позже, и при этомъ въ спекулятивной формѣ. Архивныя справки Лукьянова даютъ о студенческихъ годахъ Соловьева любопытныя детали. Соловьевъ поступилъ сперва на филологическій факультетъ, — м. б. по настоянію отца, — но очень скоро перешелъ на естественное отдѣленіе. Онъ самъ вспоминалъ впослѣдствіи объ увлеченіи півками и плезіозаврами. Но, пробывъ здѣсь неполныхъ четыре года, онъ уволился изъ университета и, не вступая въ число студентовъ-филологовъ непосредственно вслѣдъ за тѣмъ въ качествѣ сторонняго лица сдалъ кандидатскій экзаменъ по филологическому факультету. Это было весной 1873 года. А осенью того же года мы встрѣчаемъ Соловьева уже у Троицы, въ Академіи. Видно въ это время уже совершился какой-то внутренней сдвигъ. Впрочемъ, Соловьевъ остается въ это время подъ знакомъ «философіи безсознательнаго». Какими мотивами опредѣлился этотъ сдвигъ. По мѣткому выраженію Н. И. Карѣева, университетскаго товарища и друга Соловьева, «Соловьева, какъ студента, не существовало», — его развитіе шло внѣ лекціонныхъ и профессорскихъ воздѣйствій. И съ Юркевичемъ Соловьевъ познакомился, вѣроятно, не въ аудиторіи, и ученикомъ его въ собственномъ смыслѣ онъ не былъ. Во всякомъ случаѣ къ нѣмецкому идеализму толкнулъ его не Юркевичъ, который полагалъ, что съ Канта западная философія сошла съ ума, и послѣдними великими метафизиками были Я. Беме, Лейбницъ и Сведенборгъ. Вотъ чѣмъ Юркевичъ могъ заинтересовать Соловьева. По позднѣйшему указанію Соловьева, Юркевичъ былъ «отчасти» послѣдователемъ Сведенборга. Извѣстны и его симпатіи къ спиритизму. Въ тогдашнемъ духовномъ обиходѣ спиритизмъ для многихъ былъ убѣжищемъ отъ грубаго матеріализма, — вспомнимъ хотя бы о Н. П. Вагнерѣ («Коть-мурлыка»). И здѣсь оживали пре-

данія «мистическаго идеализма» прежней романтики, въ духѣ Новалиса и Гофманна.

Повидимому, на почвѣ спиритизма Соловьевъ и познакомился съ Юркевичемъ у Лапшиныхъ, въ спиритическомъ кружкѣ. Сближеніе съ Лапшиными относится къ 1871 и 1872 гг., — какъ разъ время перелома. С. Д. Лапшину Соловьевъ обучаетъ древнимъ языкамъ и вмѣстѣ съ ней читаетъ Спинозу и Платона. Здѣсь онъ знакомится со всѣми русскими спиритами, и самъ на время становится пишущимъ медиумомъ. Если извѣстное недовѣріе насчетъ спиритическихъ явленій у Соловьева остается, то все же онъ интимно входитъ въ кругъ «психургическихъ» интересовъ, и они влекутся надолго въ ткань его мысли и жизни. Спиритическими сеансами онъ занимается и въ Египтѣ, и къ этому времени относятся описанные совмѣстно съ Д. Н. Цертелевымъ «Вечера въ Каирѣ», изданные впервые у Лукьянова въ III-мъ томѣ. Это бесѣда за столикомъ, въ которой принимаютъ участіе и духи. Изъ за спиритизма онъ знакомится съ Уоллесомъ. И если онъ и убѣждается не разъ въ шарлатанствѣ извѣстныхъ медиумовъ, онъ ищетъ другихъ, и вѣритъ въ значительность медиумическихъ явленій. Отъ Лондонскаго періода осталось не мало рукописей автоматическаго письма, на которыя указываетъ Г. Чириковъ (въ рецензій на книгу Лукьянова, въ сборникѣ «Фениксъ», I, Пгр. 1923.) Во всякомъ случаѣ, это была важная стихія въ духовномъ оборотѣ молодого Соловьева. Кромѣ Юркевича на Соловьева могли повліять о. А. М. Ивановъ-Платоновъ и о. Г. Смирновъ-Платоновъ, редакторы «Православнаго Обзорія», журнала, съ которымъ Соловьевъ связанъ надолго, и въ которомъ уже въ 1873 году онъ начинаетъ печатать свою магистерскую диссертацию. Не они-ли магистры Московской Духовной Академіи, обратили вниманіе Соловьева въ эту сторону? Прот. Смирновъ черезъ П. М. Леонтьева вошелъ вдругъ шеллингианскихъ идей, а самъ Леонтьевъ (кстати, близкій къ «Русскому Вѣстнику», въ которомъ тоже печатается молодой Соловьевъ) специально занимался исторіей языческихъ религій, тоже въ духѣ Шеллинга. Невольно напрашивается сопоставленіе съ темою первой работы Соловьева — о «миѳологическомъ процессѣ въ древнемъ язычествѣ». Церковныя темы въ это время Соловьеву совершенно чужды, о нихъ не сохранилось ни одного намека. Напротивъ, Соловьевъ ждалъ и

желалъ разрушенія прежняго христіанства, «христіанства въ ложной формѣ», и вмѣсто него должно возстановить или, вѣрнѣе, впервые явить новое, «истинное христіанство», въ формѣ выработанной съ виду безбожнымъ развитіемъ западной мысли и жизни. И это грядущее христіанство рѣшительно противоположно «тому мнимому христіанству, которое мы знаемъ по разнымъ катихизисамъ»... Невольно вспоминаешь о «Новомъ Христіанствѣ» Сенъ Симона. Вѣдь, по свидѣтельству Л. М. Лопатина у юнаго Соловьева былъ социалистическій періодъ, и это, конечно, было увлеченіе утопическимъ социализмомъ. Мотивы религіознаго народничества долго сохранялись у Соловьева; въ письмахъ къ Селтевиной 1873 года онъ съ сочувствіемъ говоритъ о сектантскихъ движеніяхъ въ народѣ (о «воздыханцахъ»); въ Лондонѣ, по указанію Янжула, онъ интересуется религіознымъ утопизмомъ вроде «библейскаго коммунизма» Нойса (Noyes), стремившагося нынѣшнюю «сатанинскую» церковь замѣнить истинной. Отзвуки религіозно-утопическаго экономизма сохранились въ «Оправданіи добра». — Противъ «мнимаго христіанства... разныхъ катихизисовъ» Соловьевъ писалъ лѣтомъ 1873 года, уже собираясь поступать въ духовную академію. Чего онъ тамъ искалъ? Сохранилось любопытное письмо къ Н. И. Карпову, отъ 2 іюня 1873 года (Лукьянову оно оставалось неизвѣстно, хотя онъ пользовался устными сообщеніями Карпова; впервые напечатано въ новомъ, четвертомъ томикѣ Писемъ Соловьева, изд. Радловымъ, Пб., 1923. с. 147-148). «Намѣренія мои относительно будущаго нѣсколько измѣнились», пишетъ Соловьевъ — «хочу замѣнить магистра философіи магистромъ богословія. Для этого буду сначала держать въ духовной академіи кандидатскій экзаменъ, равняющійся нашему магистерскому, т. к. онъ совершенно специальный и другого послѣ него не бываетъ; затѣмъ долженъ буду прямо защищать диссертацию. Все это возьметъ два года, въ теченіе которыхъ буду жить у Троицы, т. к. тамъ удобнѣе заниматься. А затѣмъ далѣе — самая удобная для меня дорога. Печально только, что буду на ней совершенно одинокъ; по крайней мѣрѣ, отъ прежнихъ товарищей сверну совсѣмъ въ другую сторону». Этотъ довольно туманный планъ не осуществился.

Въ академіи Соловьевъ провелъ не больше года, и мало вошелъ въ ея жизнь. На лекціяхъ бывалъ мало. Слушалъ о. А. В. Горскаго, В. Д. Кудрявцева и, кажется, архим. Михаила и В. Потапова. Преподаваніе о. Горскаго, повидимому, оставило извѣстные слѣды на воззрѣніяхъ Соловьева, — М. Д. Муратовъ, въ приводимой Лукьяновымъ замѣткѣ, отмѣчаетъ рядъ соприкосновеній и совпаденій. «Въ богословскихъ мысляхъ Соловьева замѣтно отражается Горскій», пишетъ Муратовъ: «Таково, напр, объясненіе превознесенія Богоматери превыше чиновъ ангельскихъ тѣмъ, что ангельская природа хотя сама по себѣ и выше человѣческой, но въ отношеніяхъ къ богочеловѣчеству, она ниже или одностороннѣе, такъ что обоженное человѣчество Богоматери ставитъ ее ближе по богочеловѣчеству Сидящаго одесную Отца Спасителя и честнѣе хурувимовъ и серафимовъ. Односторонностью природы ангельской А. В. (Горскій) объяснялъ и Быт. VI. 2., и влеченіе злыхъ духовъ къ плоти не только человѣческой, но даже и ангельской, — даже по безводнымъ и пустыннымъ мѣстамъ земли»: (1.335, прим. 640).

Не слѣдуетъ преуменьшать возможнаго вліянія и со стороны Куриявцева. Идею синтеза религіозныхъ, философскихъ и эмпирическихъ началъ, якобіанскія мысли о вѣрѣ, мысль о врожденномъ и непрестанномъ живомъ откровеніи Божиѣмъ въ сознаніи, — все это Соловьевъ могъ прочесть и услышать у Кудрявцева. — О. П. Флоренскій въ письмѣ къ Лукьянову отмѣчаетъ еще б л и з о с т ь Соловьева съ Дм. Ф. Голубинскимъ, сыномъ о. прот. Ф. А. Голубинскаго, который «глубоко выносилъ въ себѣ идею С о ф і и». «Дм. Ф. Голубинскій читатель памяти и идейныхъ замысловъ отца своего, в ѣ р о я т н о сообщилъ ее и Соловьеву. Нужно думать, что именно изъ академіи, повидимому, вынесъ эту идею Соловьевъ, т. к. послѣ академіи онъ специально посвящаетъ себя поискамъ литературы въ этомъ направленіи (путешествіе за-границу). — Мнѣ представляется, что Соловьевъ поступилъ въ академію просто для занятій богословіемъ и исторіей церкви, но потомъ, набредя тутъ на предустановленную въ его душѣ идею Софіи, бросилъ и академію, и богословіе вообще, и занялся специально Софіей. Это, конечно, моя догадка». (1.343; прим. 662). Во всякомъ случаѣ, въ академіи Соловьевъ могъ соприкоснуться съ идеями баадеріанства и александ-

рійскаго мистицизма. Но изъ Академіи Соловьевъ ушелъ въ разочарованіи, встрѣтивъ и здѣсь, въ средѣ профессоровъ, «сущихъ нигилистовъ». И послѣ академіи христіанское сознаніе Соловьева осталось смутнымъ. Лукьяновъ приводитъ рассказъ Карѣва о выступленіи Соловьева въ молодомъ товарищескомъ кружкѣ, весною 1875 года, съ восторженною проповѣдью на тему о торжествѣ христіанства, которую онъ закончилъ символомъ вѣры. И въ тоже время Соловьевъ былъ увлеченъ идеєю «сидерическаго тѣла», которое яко бы атрофируется, если долго не причащаться Св. Тайнъ (II. 141-143). Здѣсь, м. б. слѣдъ знакомства съ Парцельсомъ... Оставленіе Соловьева при университетѣ, магистерскій экзаменъ, защита диссертации, избраніе въ доценты, — всѣ эти внѣшнія событія говорятъ мало о внутренней жизни Соловьева. У Лукьянова подборомъ газетныхъ замѣтокъ и устныхъ воспоминаній хорошо освѣщена бытовая сторона магист. диспута Соловьева. Кстати, его рѣчь передъ диспутомъ была напечатана еще въ «Гражданинѣ» 1874 года, № 48 и потомъ позабыта. Въ III томѣ «Писемъ» она напечатана по частному списку, точно. Диспутъ Соловьева, несомнѣнно былъ «событіемъ».

Совершенно новую страницу въ біографіи Соловьева освѣщаютъ главы въ книгѣ Лукьянова, посвященные его преподаванью на курсахъ Герье. Весною 1875 года Соловьевъ прочелъ здѣсь краткій курсъ по Платону. Лукьяновъ приводитъ большой отрывокъ изъ воспоминаній Е. М. Поливановой, слушавшей Соловьева. Это яркая картинка съ натуры. Съ Поливановой Соловьева связывала тогда и близость, и кратковременный порывъ любви. (Поливанова приводитъ по старой записи и текстъ вступительной лекціи Соловьева, очень остроумный, о смыслѣ метафизики (III. 44-47). Съ большимъ подъемомъ Соловьевъ объяснилъ Платона, въ особенности «Федра». Въ заключеніе рассказа о личныхъ отношеніяхъ, Поливанова приводитъ текстъ трехъ стихотвореній, данныхъ ей на прощаніе Соловьевымъ (лѣто 1875 г.) Это — Ночное плаванье (Призраки), Прометею и еще неизданное, безъ названія:

Въ снѣ земномъ мы тѣни, тѣни...
Жизнь — игра тѣней,
Рядъ далекихъ отраженій
Вѣчно свѣтлыхъ дней.

Но сливаются ужъ тѣни,
 Пренія черты
 Пренія яркія сновидѣній
 Не узнаешь ты.
 Сѣрый сумракъ предразсвѣтный.
 Землю всю, одѣлъ;
 Сердцемъ вѣщимъ ужъ привѣтный
 Трепетъ овладѣлъ.

Голосъ вѣщій не обманеть.
 Вѣрь, проходитъ тѣнь —
 Не скорби же, скоро встанеть
 Новый вѣчный день. (III, с. 61).

Стихотвореніе помѣчено 9 іюня 1875 г., — интересно сравнить его съ «Прометеемъ». — Кстати замѣтить, въ петербургскомъ сборникѣ «Начала», кн. I (Пб. 1921, с. 130 тоже библиографическая рѣдкость!) Э. Л. Радловъ помѣстилъ еще одно неизданное стихотвореніе Соловьева, безъ даты, но повидимому раннее.

Трепетали и таяли звуки
 И въ безбрежную даль убѣгали;
 Стихли сердца тревожнаго муки
 предметной,
 Потонувъ въ безпредѣльной печали

Эти звуки съ собой уносили
 Далеко всѣ земныя видѣнья
 И рыдали и тихо просили —
 И замолкли въ тоскливомъ волненіи.

Ликовали знакомые звуки,
 Возвращаясь изъ сумрачной дали,
 За томленіе минутной разлуки
 Сколько счастья они общали.

И нежданная вѣсти встрѣчая,
 Сердце въ свѣтлыя грезы одѣлось,
 И на ранній привѣтъ отвѣчая,
 Чистымъ пламенемъ ярко зардѣлось.

По ритмикѣ, по словарю, по образамъ, это стихотвореніе, несомнѣнно, середины 70-хъ годовъ. — О заграничной поѣздкѣ Соловьева Лукьяновъ сообщаетъ не мало новыхъ бытовыхъ чертъ. Въ дополненіе къ изданнымъ воспоминаніямъ Янжула, Лукьяновъ приводитъ отрывокъ изъ рукописныхъ воспоминаній М. М. Ковалевскаго. Ковалевскій говоритъ о занятіяхъ Соловьева Каббалой, о посѣщеніяхъ спиритическихъ сеансовъ «метафизическаго общества» и журфиксовъ у О. А. Новиковой, куда «Соловьева, видимо привлекали бесѣды и знакомство съ членами англійскаго іерархіи». (III. 135-142). Къ со-

жалѣнію о занятіяхъ Соловьева ничего точно узнать не удастся. По собственному его официальному заявленію, онъ собирался изучать памятники «индійской, гностической и средневѣковой философіи», — но это слишкомъ общая характеристика. Вѣроятно, именно въ это время онъ входитъ въ кругъ нѣмецкой мистики. Во всякомъ случѣ, это было время напряженной мистической жизни Соловьева. «И тайныя мнѣ силы выбирали все, что о ней читать я только могъ»... О ней, т. е. о Софіи.

Исторія путешествія въ Египетъ остается неясною. Лукьяновъ приводитъ и разбираетъ всѣ сохранившіяся письма Соловьева, но это даетъ только внѣшнюю рамку. О «Вечерахъ въ Каирѣ», мы уже упоминали. Нѣкоторыя детали даютъ воспоминанія кн. Д. Церетелева (Спб. Вѣдомости, 1910, № 211) и М. де-Вогюсъ (въ сборникѣ *Sous l'horizon Paris* 1905).

Любопытна мистерія-буффъ гр. Э. Соллогуба, Соловьевъ въ Фиваидѣ, напечатанная у Лукьянова впервые (III. 283-307). — Ясно одно, во время заграничной поѣздки Соловьевъ остается чуждъ и церковной жизни и церковнымъ темамъ. «Возвращеніе» совершается позже, — м. б. вскорѣ послѣ возвращенія изъ заграничья. Конецъ 70-хъ годовъ, время работы надъ «Чтеніями о Богочеловѣчествѣ» и «Критикой отвлеченныхъ началъ», самое интересное и самое неясное время въ жизни Соловьева. Жаль, что Лукьянову не удалось охватить его. Это время сближенія съ Достоевскимъ, время сближенія съ семьей покойнаго гр. А. К. Толстого. И вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ А. А. Кирѣева, Соловьевъ сближается съ духовными кругами. Темы его раздумья становятся все сложнѣе. Но объ этомъ здѣсь уже не мѣсто говорить. Но нельзя не прибавить указаніе на неизвѣстную доселѣ статью Соловьева, библиографическій рефератъ: «Новости русской духовной журналистики», въ журналѣ «Странникъ», 1877 г., книжки за сентябрь и октябрь (Подпись: Владиміръ С-въ, — имя стоитъ только въ спискѣ сотрудниковъ за 1877 годъ). Это — именно рефератъ статей въ «Христіанскомъ Чтеніи» и «Православномъ Обзорѣннѣ» за 1877 годъ. Редакторомъ-издателемъ «Странника» въ это время былъ священникъ Смольнаго Института, о. С. В. Протопоповъ. Въ «Странникѣ» въ это время писалъ и Н. С. Лѣсковъ.

На шуточный вопросъ «къмъ бы Вы хотѣли быть» — въ «Альбомѣ признаній»

Т. Л. Сухотиной (см. Письма IV) Соловьевъ отвѣтилъ: «собою вывернутымъ на лицо»... И въ этомъ гаерскомъ отвѣтѣ есть какая то тайная и злобѣщая правда. «Собою» ли былъ Соловьевъ въ своемъ творествѣ? И чѣмъ больше вникаешь въ его творенія, въ его признанія, въ его жизнь, — все его творчество сливается въ одинъ крикъ боля, и съ тѣмъ большею силою просятся на уста его-же собственныя слова, кото-

рыми онъ напутствовалъ въ могилу своего многолѣтняго интимнаго друга Фета:

Здѣсь тайна есть... Мнѣ слышатся при-
звы,
И скорбный стонъ съ дрожащей мольбою...
Непримиренная вздыхаетъ сиротливо,
И одинокая горюетъ надъ собой...

Георгій В. Флоровскій.